

«Я ненавижу сплетни в виде версий...»

В газете «Советская культура» от 12 ноября 1987 г. было опубликовано письмо С. В. Высоцкого, отца Владимира Высоцкого, о пьесе Э. Володарского «Мне есть, что спеть...», которое называется «Бестактность». Оно представляет собой эмоциональный отклик человека, близкого прообразу героя пьесы. Мы же сочли необходимым вернуться к этому произведению и взглянуть на него профессиональным критическим взглядом, более аналитично. К тому же этические проблемы, поднимаемые автором публикуемой статьи, общезначимы и выходят за рамки частного случая.

Поэта, а «Владимир Высоцкий... благодаря своему характеру хотя бы частично заполнил этот вакуум своими песнями». Характеру, значит, благодаря... И тогда изыскиваем, подтасовываем, смакуем компрометирующие детали, черточки, поступки — катим обросший грязью «сизифов камень» сплетен, изыскиваем униженный комплекс Сальери, ликование Герострата, и все вроде бы для того, чтобы «сквозь накипь кликушества, причитаний, порой лицемерно-надрывных, а иногда искренне-глуповатых, увидеть настоящего лицо...». То есть, иными словами, исполнить благородную миссию человечения монумента поэта, сделать его, стало быть, «ближе, роднее». Только нет ведь никакого монумента! Есть, был и остается — живой — в песнях своих, деле своем, друзьях и близких, народе своем — наш современник Владимир Семенович Высоцкий.

Правда, героя пьесы «Мне есть, что спеть...» зовут Владимир... Степанович. Это о нем — Степановиче — скорбят на грандиозных (к вящему изумлению милиции) похоронах вдова Ирина (I), первая жена Маша (I), не расставшийся с флягой спиртного друг Дмитрий (I), заклеянный словом и презрением драматурга Отец, несчастная, когда-то брошенная этим Отцом Мать. Это о нем — Степановиче — судачат собравшиеся под крышей одного купе пассажиры, муссируя различные версии судьбы Владимира. Видимо, этим пассажирам предлагает Володарский свою версию — версию человека посвященного. Уж он-то знает, уж он-то нам расскажет! Все-все самое интереснейшее. И как релетиции Владимир прогуливал, и как шмотки свои направо-налево раздавал сомнительным друзьям, и как он «бесновался, когда его в газете обругали», и как он «всем знакомым поэтам свои стихи раздавал и просил, чтобы помогли напечатать», а главное, — вот где изюминка-то, — как он первую жену с двумя детьми бросил, как вторую мучил, как жены эти друг с дружкой ругались, а сами его понять не умели: одна в обычные серые будни тащила, другая — во Францию. Словом, информации для того, чтобы сде-

лать Поэта «ближе, роднее», хоть отбавляй — отборная, из первых рук, как говорится. «Как будто за портьеру подсмотрел или под кровать залез с магнитофоном».

И чего, читатель, возмущаться такой беспардонностью драматурга. Герой-то гипотетический — Степанович. И пьеса, как пытается убедить нас Евг. Евтушенко, «совсем не претендует на биографичность со скрупулезным исследованием фактов, ее нельзя привязать только к образу Высоцкого». А к чьему же образу ее привязывать прикажете? И чей «траурный портрет», согласно ремарке, должен висеть в фойе театра? Или тут стоит воспользоваться бесхитростным советом автора предисловия, обнадеживающего нас в том, что «эта пьеса при постановке может быть решена в различных свободных интерпретациях»? Ну, портрет, значит, можно повесить любой, тем более, что сам Поэт на сцене не появится (новаторский, конечно, прием в деле развития жанра биографической драмы, если забыть булгаковского «Пушкина» и пр., и пр.).

Но вот как быть с песнями? Ведь гипотетический Владимир Степанович оказывается автором песен Владимира Высоцкого, которые лихая рука драматурга рефреном разбросала по всей пьесе: где — иллюстративности ради, где так — для перемены декораций. У Э. Володарского, в отличие от Б. Окуджавы, «мотив со стихом», видимо, «сходился». Правда, с каким стихом? Практически во всех цитатах допущены, мягко говоря, неточности. Может быть, Э. Володарского просто-напросто подвела память? Ведь пьеса, по свидетельству Евг. Евтушенко, была написана «сразу, на одном дыхании, буквально в первые недели после того, как Высоцкого не стало». Допустим даже, что за семь лет, прошедших со дня написания до даты публикации пьесы, ее автору, по какому-то роковым причинам, не представилось возможности послушать магнитофонные записи Высоцкого, перелистать страницы его книжки, сверить цитаты, или хотя бы перечитать собственное произведение, — может быть, кое-что вы и вспомнилось? Что, не перечитывал? Да нет, похо-

же, и перечитывал, и редактировал. Иначе как объяснить отсутствие в списке действующих лиц главного режиссера театра, релетиции которого прогуливают Владимир, ведь тогда, в 1980-м, трудно было представить этот театр и этого актера без этого именно режиссера! Тут, как говорится, комментарии излишни. Так что редактора была. Но ограничилась она, видимо, лишь эмиграцией со страниц пьесы главрежа. Что же касается кондового (иначе не скажешь!) языка, полуплакаты, полусленговых диалогов, которые волею автора вынуждены вести персонажи, примитивных драматургических приемов с медленным гаснущим светом для перемены декораций и венчающей пролог и эпилог беседой пассажиров купе, то здесь все осталось, кажется, первозданным, на том самом «одном дыхании», которого не хватило Э. Володарскому, чтобы создать произведение искусства (а чем же еще должно быть пьеса — и пьеса, заметим, профессионала, не новичка?).

Произведение искусства, трудности жанра, муки собрата по перу... а может быть, все это не имеет никакого отношения к пьесе Володарского? Может, судить о ней стоит не по «гамбургскому счету» искусства, но на счетах рыночных, где спрос рождает предложение, а мода — любую, пусть самую дешевую поделку?! Стойко улыбается с пластиковых сумок в давке московского метро Алла Пугачева, выкуривает бесконечные трубки Сергей Есенин, и бойкие фарцовщики в виде бесплатного приложения к 15-рублевой кассете Высоцкого дарят нам оттиск с его фотографии. Думается, там, на и под рыночными прилавком, альманах с пьесой Володарского, густо пересыпанной «клубничкой», пойдет куда дороже клубники среди зимы!

«Теперь все имеют на него право». — говорит в пьесе вдова Владимира. Так ли? Все ли? И какое право? Как Поэт рождается, чтобы сказать о времени все, так и о нем самом — Поэте, художнике — имеет право, может, должен сказать другой художник. Сказать так, чтобы это осталось грядущим и отозвалось болью, но не стыдом в сердцах живых. И художники говорили. Не сразу, не «буквально в первые недели», но потом, превозмогая «в горле горе комом», — Булат Окуджава, Юлий Ким, Юрий Трифонов, Юрий Корякин, другие, многие говорили. Скажут еще, их слова прорвутся и сквозь трескотню эстрадных сплетен, и сквозь ложь «посвященного» автора «драматургической попытки», почему-то присвоившего себе право на «сплетни в виде версий» — об ушедшем и грубую бестактность по отношению к живым. Все так. Только вот не дает покоя, мучает припомнившаяся после чтения пьесы пастернаковская строчка: «Ты спал, постлав постель на сплетне...». Это из стихотворения «Смерть поэта».

Юлия МАРИНОВА

О Володе Высоцком

я песню придумать хотел,

Но дрожала рука и мотив со стихом

не сходился...

У драматурга Эдуарда Володарского, опубликованного в № 3 альманаха «Современная драматургия» за 1987 год свою пьесу «Мне есть, что спеть...», рука, видимо, не дрогнула. Не дрогнула она и у Евг. Евтушенко, предварившего публикацию предисловием-панегириком драматургу с многообещающим заглавием «Увидеть настоящее лицо».

Как же удалось Э. Володарскому «увидеть настоящее лицо» Поэта? Способ, похоже, отыщется в любой поваренной книге (см. «винегрет»). Для приготовления такого лакомого драматургического блюда берутся в равной мере пропорции: реальные факты жизни главного героя, слухи, сплетни, наветы и собственные домыслы; все крошится на мелкие кусочки, тщательно перемешивается и подается под соусом «искренней работы», которая, если верить автору предисловия, «для многих, знавших Высоцкого лишь понаслышке... сделает его ближе, роднее, в то же время не впадая в «идолоизацию».

Как боимся мы слова — гений — в сочетании с современником... И, «не впадая в «идолоизацию», изыскиваем снижающие синонимы — «ищущий, мечущийся, но настоящему талантливый»... Пытаемся срифмовать истинно всенародное горе смерти Поэта — с похоронами иного, считаем на тысячи — сотню сюда, сотню туда. Пытаемся объяснить — популярность. Мол, не был он «ни большим поэтом, ни гениальным певцом, ни тем более композитором», просто «за последние лет двадцать не появилось ни одного крупного